

И. В. Новицкая

ЭКСПЛИЦИТНЫЕ МОДЕЛИ ВЫРАЖЕНИЯ СЕМАНТИКИ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ У ГОТСКИХ АБСТРАКТНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

В статье рассматриваются эксплицитные средства выражения семантики определенности абстрактного имени существительного в готском языке. Выделяются два вида определенности: индивидуализирующая и анафорическая, для которых устанавливаются равноуровневые средства выражения. Показывается роль основообразующего суффикса *-ein-* как первичного маркера индивидуализирующего значения.

Ключевые слова: готские абстрактные существительные, определенность, определенный артикль, основообразующий суффикс.

Как известно, период формирования системы средств для выражения грамматической категории определенности/неопределенности германских языков относят ко времени раздельного существования древнегерманских диалектов [1, с. 31]. В германских языках центральным языковым средством выражения значения определенности/неопределенности является артикль, который может выступать в двух своих разновидностях – определенном и неопределенном [2, с. 132].

Формально определенный артикль в древних германских языках имеет две разновидности: препозитивную и суффиксальную формы. Суффицированный артикль в древнеисландском языке имеет формы *-inn* и *-it*, а самостоятельно стоящий препозитивный артикль – форму *hinn* [3, с. 624; 4, с. 93]. В готском языке суффицированный артикль не идентифицируется [5, с. 131], а функцию препозитивного свободностоящего артикля выполняет указательное местоимение *sa / þata* «этот». Неопределенный артикль имеет более позднее происхождение и в настоящей работе исключен из последующего анализа в связи с рассмотрением исключительно значения определенности.

Основное внимание в настоящей статье уделяется равноуровневым языковым средствам, выражающим семантику определенности абстрактного имени существительного в готском языке. Данный анализ осуществляется на материале готских словообразовательных синонимов лексико-грамматического разряда абстрактных существительных (далее – АС), то есть однокоренных единиц с синонимичными словообразовательными формантами. Выбор последних в качестве материала исследования обусловлен тем обстоятельством, что словообразовательная синонимия сигнализирует о происходящих в языке процессах модификации отдельных участков деривационной системы, которые в конечном итоге приводят к формально-семантическим изменениям словообразовательной системы в целом и семантической специализации словообразовательных типов в частности. Возникая в соответствии с прагматическими задачами обще-

ства, словообразовательные синонимы тем самым в своей семантике содержат имплицитно заложенные различные прагматические компоненты, которые эксплицируются в языке и речи [6, с. 186]. В этой связи представленный материал может способствовать уточнению функциональной роли словообразовательного форманта *-ein-* в готском языке, выявлению синкретичного характера его семантики, а также демонстрации того, насколько тесно семантика этого элемента соотносится с семантикой определенности/неопределенности (далее – ОП/НО).

Согласно результатам исследования степени распространенности словообразовательной синонимии в готском языке [7], наибольшее число параллельных форм засвидетельствовано у существительных ж. р. основ на *-ein*, у которых суффиксальный элемент является единственным словообразовательным средством. Из 120 существительных *ein*-основ у 40 слов были обнаружены параллельные однокоренные формы с соотносимым значением. Среди них распределение словообразовательных синонимов по типам основ выглядит следующим образом:

- F *ein* – F *o* (суф. *-īþa-*) – 15 пар слов
- F *ein* – F *i* (суф. *-eini-*) – 11 пар слов
- F *ein* – N *ja* – 7 пар слов
- F *ein* – F *i* (суф. *-duþi-*) – 3 пары слов
- F *ein* – F *o* – 2 пары слов
- F *ein* – F *i* (суф. *-ti-*) – 1 пара слов
- F *ein* – F *i* (суф. *-ni-*) – 1 пара слов

Для анализа в настоящей статье были отобраны словообразовательные синонимы с абстрактной семантикой, которые относятся, с одной стороны, к типам склонения на *-ein* и *-on* ж. р. (следовательно, они словообразовательно маркированы только основообразующими суффиксами *-ein-* и *-on-*) и, с другой стороны, к типам основ на *-o*, *-i* и *-ja*. У гласных типов основ в качестве словообразовательного элемента выступали суф. *-īþa-* (основы на *-o* ж. р.), суф. *-duþi-*, *-eini-*, *-ti-*, *-ni-* (основы на *-i* ж. р.), а также суф. *-ja-* (основы на *-ja* ср. р.). Общее количество проанализированных примеров

составляет 155 предложений, из них 54 – основы на -ein, 9 – основы на -on, 92 – основы на -i, -o, -ja.

В современной лингвистике большинство ученых придерживаются следующей трактовки определенности/неопределенности: «Под определенностью понимается такой признак в значении языковой единицы, который несет информацию о том, что денотат именной группы представлен в сознании говорящего выделенным либо из множества объектов, либо «вообще» через приписывание объекту «уникальных», одному ему свойственных признаков (в данной ситуации). Напротив, под неопределенностью понимается такой признак, который несет информацию о том, что денотат именной группы идентифицируется только до уровня члена класса или – если речь идет о классе объектов – до уровня члена множества классов. Объекту не приписаны «уникальные» свойства, он наделен только качествами, общими для всех членов класса» [8, с. 38].

Как уже отмечалось выше, центральным средством выражения семантики ОП/НО является артикль (определенный/неопределенный), который имеет местоименное происхождение. Универсальными источниками для образования определенных артиклей в древнегерманских языках являются указательные местоимения [9, с. 73; 10, с. 357; 3, с. 624; 4, с. 93]. Так, в древнеисландском языке в функции препозитивного артикля употреблялись указательные местоимения hinn (м. р.), hin (ж. р.), hit (ср. р.), а также inn, enn или sa inn, sa enn перед прилагательным, определяющим существительное. Древнеисландский суффиксированный артикль -inn, -enn (м. р.), -ini-en (ж. р.), -iti-et (ср. р.) был образован от той местоименной основы, которая представлена в ди. hinn, др.-дат. hin. В древнешведском и древнедатском языках наряду с этим специфическим скандинавским указательным местоимением в функции свободностоящего препозитивного определенного артикля использовалось и другое указательное местоимение: др.-шв. þæt (м. р.), þe (ж. р.), þæt (ср. р.), др.-дат. thæn (м. р.), the (ж. р.), thæt (ср. р.), которое впоследствии вытеснило местоимение hinn.

Согласно полученным результатам анализа синтаксической сочетаемости абстрактных словообразовательных синонимов, на 155 примеров приходится только 4 случая употребления указательного местоимения sa/þata с абстрактными существительными как из слабых, так и из сильных типов основ.

(1) frumei (F ein) «первый»: “hait nu witan þamma hlaiwa und þana þridjan dag, ibai ufto qimandans þai siponjos is binimaina imma jah qipaina du managein: urrais us dauþaim, jah ist so speidizei airziþa wairsizei þizai frumein” (M 27,64) «итак,

прикажи охранять гроб до третьего дня, чтобы ученики Его, придя ночью, не украли Его и не сказали народу: воскрес из мертвых; и будет последний обман хуже первого». В конструкции þizai frumein «того первого» указательное местоимение согласуется в дат. п. ед. ч. с существительным слабого типа основ, которое образовано от формы порядкового числительного «первый», которое, как известно, склоняется как слабое прилагательное ж. р., т. е. по ein-основам [11, с. 119].

(2) weitwodipa (F o) «свидетельство»: “managai auk galiug weitwodidedun ana ina, jah samaleikos þos weitwodipos ni wesun” (Mc 14,56) «ибо многие лжесвидетельствовали на него, но сии свидетельства не были достаточными». В примере þos weitwodipos «сии свидетельства» существительное сильного типа склонения в им. п. мн. ч. употреблено с препозитивным указательным местоимением, которое служит указанием на только что упомянутый объект.

Такое ничтожно малое число случаев употребления АС с препозитивным указательным местоимением является ярким доказательством того, что в готском языке за указательным местоимением еще не закрепилась функция анафорической референции, которая является типологически универсальной функцией для определенного артикля. Более того, имеющийся материал поддерживает недавно высказанное мнение о том, что при существительном препозитивное артиклеобразное слово служило скорее для передачи семантики указательности, а не определенности [9], что косвенно подтверждается существованием конструкций «артикль + **сущ.** + сущ. в род. п.» и «артикль + **сущ.** + мест.», в которых указательность препозитивного элемента дополняется постпозитивным конкретизирующим элементом. Примечательно, что в подобных конструкциях существительные ein-основ не засвидетельствованы.

(3) dwaliþa (F o) «юродство, безумие»: “unte auk in handugein gudis ni ufkunnaida sa fairhvus þairh handugein guþ, galeikaida guda þairh þo dwaliþa þizos wailamereinaiš ganasjan þans galaubjandans” (K 1,21) «Ибо когда мир своею мудростью не познал Бога в премудрости Божией, то благоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих». В конструкции þairh þo dwaliþa þizos wailamereinaiš «через/посредством (то) юродство той проповеди» определенность существительного выражается постпозитивным определением в род. п., а препозитивный элемент несет значение указательности.

(4) armahairtiþa (F o) «милость»: “ei sijai so armahairtiþa þeina in fulhsnja, jah atta þeins saei saiþviþ in fulhsnja, usgibiþ þus in bairhtein” (M 6,4) «и чтобы милость твоя была втайне, и отец твой, ви-

дящий тайное, воздаст тебе явно». Сочетание *so armahairtīpa þeina* «та милость твоя» содержит препозитивное указательное местоимение, а также постпозитивное притяжательное местоимение, которое и конкретизирует семантику существительного, сужая круг лиц, к которым «милость» может быть приписана.

Выявление синтаксических конструкций с абстрактными существительными в остальных примерах позволило вычленить некоторые закономерности в отношении выражения семантики определенности. Прежде всего, представим полученные результаты языком цифр.

Таблица 1
Употребление абстрактных имен
в синтаксических конструкциях

Синтаксическая конструкция	Ein-основы (54 прим.)	Op-основы (9 прим.)	Ja-, jo-, o-, i-основы (92 прим.)
Самостоятельно (без зависимых элементов)	14 + 16	7	38
Сущ. + мест. в род. п.	1 + 3		8
Сущ. + мест. в дат. п.	1 + 2		5
Сущ. + сущ. в род. п.	1 + 4		11
Сущ. + сильн. прил.	2		2
Сущ. + артикль + слаб. прил.	1		1
Сущ. + придаточное определительное		1	6
Всякий + сущ.	1		4
Сущ. + всякий			2
Слаб. прил. + сущ.	1		
Артикль + сущ.	1	1	2
Артикль + слаб. прил. + сущ.	1		2
Артикль + сущ. + сущ. в род. п.			2
Артикль + сущ. + мест.			4
Притяж. мест. + сущ.	1		
Сущ. в род. п. + сущ.	3		4
Слаб. прил. + сущ. + сущ. в род. п.	1		

Исходя из приведенных сравнительных данных, не приходится сомневаться в том, что определенность абстрактного имени выражалась, прежде всего, лексическими средствами, которые линейно находились либо в препозиции, либо в постпозиции по отношению к определяемому слову. Предложения, в которых при существительном находится постпозитивный конкретизирующий элемент (51 предложение), в два раза превосходят конструкции с препозитивным уточняющим элементом (22 предложения). Конструкций, в которых существительное обрамляется конкретизирующими элементами с обеих сторон, всего две («артикль + **сущ.** + сущ./мест. в род. п.»; «слаб прил. + **сущ.** + сущ. в род. п.»), и они представлены всего в семи предложениях.

(5) *armahairtei (F ein)* «милосердие»: *þairh infeinandein armahairtein gudis unsaris, in þammei gaweisop unsara urrunn us hauhipai*” (L 1,78) «по благоутробному милосердию Бога нашего, в котором посетил нас восток из высоты». В конструкции *þairh infeinandein armahairtein gudis unsaris* «по жалеющему милосердию Бога нашего» препозитивное определение «жалеющему» выражено причастием настоящего времени, которое склоняется как слабое прилагательное. В постпозиции находится конкретизирующий элемент, выраженный существительным и притяжательным местоимением в род. п.

В качестве приименного конкретизатора могли выступать существительные в род. п. (постпозитивно – 16, препозитивно – 7), местоимения в род. п. (постпозитивно – 14, препозитивно – 6), местоимения в дат. п. (постпозитивно – 8), сильные прилагательные (постпозитивно – 4), слабые прилагательные (постпозитивно – 2, препозитивно – 3), определительные придаточные предложения (постпозитивно – 7). Соотношение примеров, в которых существительные употреблялись самостоятельно, т. е. без зависимых элементов, по сравнению с распространенными конструкциями составляет 75 : 78, что может служить подтверждением мнению Э. Лайсс о том, что первоначально в становлении грамматической категории ОП/НО были задействованы разноуровневые средства (синтаксические и лексические), комбинаторика которых дала толчок к формированию специализированных грамматических (морфологических) показателей [9].

К числу синтаксических средств, влияющих на семантику определенности в древнегерманских языках, традиционно относят линейную синтаксическую позицию конкретизирующего элемента по отношению к главному. Согласно ряду исследований [9; 12; 13], постпозиция определяющего элемента играла важную роль в выражении значения определенности. Так, сильные (местоименные) формы древнегерманских прилагательных трактуются как относительные в силу того, что постпозитивные местоименные актуализаторы при именах служили для указания на наличие субъекта, производящего оценку по признаку, обозначенному прилагательным [13, с. 77]. Поэтому атрибутивные комплексы с сильными прилагательными обозначали в древнеисландском языке индивидуальную референцию. Подобное положение дел засвидетельствовано также и в древнецерковнославянском, где категория ОП/НО нашла выражение в разряде определенных прилагательных. Те прилагательные, которые определяли уже упоминавшийся, или иначе известный предмет, выступали в членной форме, которая состояла из краткой (именной) формы прилагательного и члена – указа-

тельного местоимения 'И' «он», который согласовывался с прилагательным в роде, числе и падеже. В функции, близкой артиклеобразному выражению определенности, зафиксированы также постпозитивные местоимения **ТЪ, СЪ** «этот, тот» [14, с. 52].

Прилагательные в древнегерманских языках могли употребляться в предикативной (только сильные) и атрибутивной функциях в зависимости от своей синтаксической позиции [13, с. 61]. В атрибутивной функции прилагательное могло стоять как в препозиции, так и в постпозиции к существительному. Первичной и древнейшей считается конструкция «сущ. + артикль + прилагательное», в которой роль артикля выполняло указательное местоимение. В этом случае сочетание артикля со слабым прилагательным выполняло роль аппозитивного элемента, который сигнализировал о значении определенности [12, с. 17]. Таких конструкций в самых ранних готских текстах очень мало и впоследствии они полностью исчезают, поскольку заменяются более частой конструкцией «сущ. + прил.» (см. также таблицу 1).

В атрибутивной функции при древнегерманском существительном могло находиться и другое существительное, которое сужало различным образом круг лиц, предметов, явлений, к которому относится определяемое, и тем самым служило средством детерминации ядерного существительного. Подобный атрибут, стоящий в форме род. п., тем самым мог сигнализировать как об индивидуальной, так и видовой характеристике определяемого [15, с. 12]. Так, в древневерхненемецком существительное в род. п. выполняло роль детерминанта в том случае, когда оно называло вполне конкретный предмет или лицо и указывало на принадлежность определяемого этому лицу или предмету. При этом с сущ. в род. п. мог употребляться артикль (лавки тех менял), притяжательные местоимения 1 и 2 лица (сестра моей матери), указательное местоимение и имя собственное (двор дома Якова). Все эти случаи сигнализировали об определенности существительного. Сами детерминирующие слова могли стоять как в пре- так и постпозиции, однако к препозитивному употреблению тяготели те виды род. п., которые обладали наиболее выраженными детерминирующими свойствами [15, с. 13].

Как показало исследование готских сложно-составных слов и субстантивных словосочетаний с приименным родительным (модели «сущ. + сущ. в род. п.», «сущ. в род. п. + сущ.») [16], наиболее распространенной моделью являлись сочетания с приименным родительным в постпозиции (1252 примера, т. е. 95.4 %), которые могли быть расширены за счет использования детерминантов. Случаи с нерасширенной моделью преобладали (947

примеров; 75.8 %), что объясняется следованием греческому оригиналу, в котором отклонения от греческого порядка следования элементов не допускались. Тем же самым фактором объясняется и преобладание в готском конструкций с приименным родительным в постпозиции, поскольку модели с препозитивным родительным являлись результатом творческих экспериментов переводчика. Тем не менее считается, что готский уже обладал условиями для передачи греческих конструкций с приименным родительным, что подтверждается данными подсчета двух моделей в Skeireins – готском оригинальном, а не переводном произведении, где они употреблены в равном количестве [16, с. 9–11]. Примечательно, что готские расширенные субстантивные сочетания с приименным родительным в постпозиции формально не соответствовали греческим, поскольку в готском артиклеобразный элемент употреблялся независимо от наличия артикля в греческом. При этом характер отношений между ядерным словом словосочетания и его уточнителем (= приименным родительным) характеризовался как отношения посессивности: *frisahts guþs* «тот образ, который присущ богу» [16, с. 14]. Динамика распространенности двух обсуждаемых моделей показывает, что в готских переводах доминируют модели словосочетаний с постпозитивным приименным родительным, в то время как в других древнегерманских текстах препозитивный генитив начинает преобладать [16, с. 23]. Следовательно, можно предположить, что в готском языке постпозиция атрибута сигнализировала о большей определенности ядерного существительного.

Вновь обратим внимание на артиклеобразные элементы в древнеисландском, а точнее, на суффиксированные фонетические варианты *-enn* и *-inn*. Не вызывает возражений мнение об их происхождении из указательного местоимения *hinn*, которое, согласно исследованным контекстам [13, с. 325; 5, с. 132], первоначально использовалось для маркирования предмета, рассматриваемого самого по себе, т. е. в индивидуализирующей функции. Постпозитивное расположение элементов *-enn* и *-inn* после существительного в одной из падежных форм, т. е. в качестве энклитики [3, с. 624], позволяет соотнести «существительное с постпозитивным артиклем» с конструкциями именных словосочетаний с постпозитивным атрибутом и местоименной (членной) формой сильных прилагательных. На основе всех предшествующих замечаний можно предположить, что линейная синтаксическая позиция определяющего элемента после определяемого способствует выражению большей определенности первого элемента (см. также работы Э. Лайсс [5; 9] о скрытых формах выражения определенности). Учитывая мнения исследователей о

Таблица 2

Парадигма древнеисландского
суффиксированного артикля

		Неопределенная форма	Определенная форма
Ед. ч.	Им. п.	Hest-r «конь»	Hest-r + in-n
	Род. п.	Hest-s	Hest-s + in-s
	Дат. п.	Hest-i	Hest-i + n-um
	Вин. п.	Hest	Hest + in-n
Мн. ч.	Им. п.	Hest-ar	Hest-ar + n-ir
	Род. п.	Hest-a	Hest-a + n-na
	Дат. п.	Hest-um	Hest-u + n-um
	Вин. п.	Hest-a	Hest-a + n-a

[3, с. 620].

Определенный параллелизм можно обнаружить и в склонении готских слабых *ein*-основ.

Таблица 3

Парадигма готских существительных *ein*-основ

		Им. п.	Hauh-ei «высота»
Ед. ч.	Род. п.		Hauh-ei-ns
	Дат. п.		Hauh-ei-n
	Вин. п.		Hauh-ei-n
	Им. п.		Hauh-ei-ns
Мн. ч.	Род. п.		Hauh-ei-nō
	Дат. п.		Hauh-ei-m
	Вин. п.		Hauh-ei-ns

Следовательно, можно предположить, что готский основообразующий суффикс *-ein-* мог функционально быть сходным древнеисландскому суффиксированному артиклю и маркировать такие существительные, у которых акцент делался на соотнесенности с определенным объектом. Иными словами, в структуре подобных существительных изначально была заложена относительная семантика, т. е. указание на индивидуализирующую соотнесенность. Подтверждением сделанному выводу может служить мнение К. Браунмюллера о том, что на древнейшем этапе развития древнегерманских языков существовали маркеры индивидуализации, или определенности. К числу наиболее древних маркеров подобного рода можно отнести др.-герм. суф. **-an-* (хетт. **-ant-*), который был заимствован из и.-е., но рано потерял свою функцию. Впоследствии система детерминирования вновь была восстановлена за счет либо действительных элементов, либо маркеров аспектуальности (гот. *ga-*) [25, с. 39].

Таким образом, количественные данные, приведенные в таблице 1, указывают на то, что в готском языке выявлены случаи выражения значения определенности двух видов: индивидуализирующей и анафорической. Тенденция выражать семантику определенности индивидуализирующего типа была широко реализована за счет использования приименного конкретизатора, выражаемого лексическими средствами (примеры 6, 7, 8).

разной функциональной нагрузке указательного местоимения и определенного артикля [13, с. 337; 9, с. 94–95], не приходится удивляться тому факту, что употребление ди. постпозитивного элемента *-inn* ограничено указательностью, а не определенностью [9, с. 338]. Следовательно, первичной функцией суффиксированного артикля в древнеисландском являлось указание на самостоятельность некоего объекта, его выделенность среди других, отдельность от других, а не общая анафорическая референция. «Определенный артикль маркирует ссылку на общее знание, на информацию, известную как говорящему, так и слушающему. <...> Указательное местоимение отсылает к тому, что известно только говорящему» [9, с. 95]. Функцией указательного местоимения является информирование о том, что собеседник должен установить взаимоднозначное соответствие между существительным и его референтом на основе чувственного опыта [13, с. 337]. Поэтому в древнеисландском было возможно одновременное употребление как указательного местоимения, так и самостоятельного артикля при существительном: *sá hinn helgi líkamr* «that the sacred body» [3, с. 627].

В этой связи обращает на себя внимание готский основообразующий суффикс *-ein-*, который, как известно, оформлял слой наиболее молодых существительных, семантически объединенных в ЛГР абстрактных имен. Согласно этимологическим данным, консонантный элемент этого основообразующего суффикса восходит к той же и.-е. местоименной основе, что и древнеисландский суффиксированный артикль *-ди. -inn > ди. (h)inn > и.-е. *epo-* «один, единственный», и.-е. **ipo-* «один из многих» [13]. Готский суффиксальный элемент *-n-* восходит к и.-е. указательным местоимениям с основами на **epo-* (*epā-*, *opo-*, *opā-*) [17, с. 796; 18, с. 401; 19, с. 20], в которых элемент **-n-* выполнял индивидуализирующую и персонифицирующую функцию у имен, а у прилагательных маркировал постоянное качество [20, с. 85]. Более того, готский основообразующий суффикс структурирован гласным элементом *-ei-*, который восходит к основе и.-е. относительного местоимения **-jo-* [21, с. 36; 22, с. 97; 18, с. 401], рефлексом чего является употребление того же элемента в готских относительных местоимениях и суффиксах прилагательных [23, с. 114, 117; 24, с. 173]. В отличие от ди. суффиксированного артикля, который присоединяется к существительному, уже снабженному флексией, готский основообразующий суффикс занимает положение между корнем и флексией. Данное обстоятельство может получить иную интерпретацию в связи с тем, что древнеисландский суффиксированный артикль имел свои собственные падежные формы, которые располагались справа от него.

(6) *frapi* (N ja) «ум, помышление»: “*in þaimei guþ þis aiwis gablindida frapja þize ungalaubjandane, ei ni liuhtjai im liuhadeins aiwaggeljons wulþaus Xristaus, saei ist frisahts gudis*” (к 4,4) «для неверующих, у которых Бог ослепил умы, чтобы для них не воссиял свет благовествования о славе Христа, который есть образ Бога невидимого». Сочетание *frapja þize ungalaubjandane* «умы тех неверующих» реализует конструкцию «сущ. + арт. + прилагат.».

(7) *hlutrei* (F ein) «искренность»: “*unte hvofuili unsara so ist weitwodei miþwisseins unsaraizos, þatei in ainfalþein jah hlutrein gudis, ni in handugein leikeinai, ak in anstai gudis usmetum in þamma fairhvau, iþ ufarassau at izwis*” (к 1,12) «ибо похвала ваша сия есть свидетельство совести нашей, что мы в простоте и искренности Божьей, не по мудрости плотской, но по благодати Божьей жили в мире, в особенности у вас». При существительном *hlutrein* имеется постпозитивный конкретизатор *gudis* в род. п. ед. ч.

(8) *airziþa* (F ð) «ошибка, обман»: “*aþþan ahma swikunþaba qibjþ þatei in spedistaim dagam afstandand sumai galaubeinai atsaihvandans ahmane airziþos jah laiseino unhulþono*” (Т 4,1) «Дух же ясно говорит, что в последние дни отступят некоторые от веры, внимая духов ошибкам и учениям бесовским». В конструкции *ahmane airziþos* «духов ошибкам» абстрактное существительное конкретизируется посредством препозитивного существительного.

В противоположность индивидуализирующему типу определенности анафорическая определенность как вторичная функция указательных местоимений выражалась крайне редко (примеры 1, 2).

Поэтому можно предположить, что в готском языке только наметилась тенденция выражать определенные по контексту, т. е. уже упоминавшиеся ранее или уже известные существительные специальными маркерами – указательными местоимениями. Данное обстоятельство вполне согласуется с мнением о том, что первоначально артиклекобразные средства ставились при существительных только в тех случаях, когда их отсутствие сигнализировало бы о неопределенной интерпретации последнего [9].

Особое значение в формировании средств грамматической категории ОП/НО имел основообразующий суффикс *-ein-*, поскольку, обладая синкретичной семантикой, он являлся первичным формальным морфологическим маркером индивидуализации объекта. Это может означать, что появление в деривационной системе готского языка особой модели для образования отыменных абстрактных существительных при помощи суффикса *-ein-*, конкурирующей с более древней моделью отыменных существительных с суффиксом *-iþa-*, сигнализировало, во-первых, о назревшей необходимости особым образом подчеркивать семантику индивидуализации, а во-вторых, противопоставило модели с суф. *-iþa-* моделям с суф. *-ein-* как не выделенные индивидуально по сравнению с более конкретными, поскольку соотносенными с индивидуальным объектом. В моделях с суф. *-ein-* акцент делался не столько на определенность, сколько на *соотнесенность* с неким индивидуальным объектом или лицом, и в этом заключалась специализация данной словообразовательной модели.

Список литературы

1. Топорова Т. В. Германские языки // Языки мира (германские языки, кельтские языки). М.: Academia, 2000. С. 13–43.
2. Зеленецкий А. Л. Сравнительная типология основных европейских языков. М.: Academia, 2004. 252 с.
3. Faarlund J. N. On the History of Definiteness Marking in Scandinavian // Linguistics. Cambridge University Press, 2009. № 45. P. 617–639.
4. Стеблин-Каменский М. И. Древнеисландский язык. М.: Изд-во лит-ры на ин. языках, 1955. 286 с.
5. Leiss E. Artikel und Aspekt: die grammatischen Muster von Definitheit. Studia Linguistica Germanica. Berlin, New York, 2000. Volume 55. 309 p. // URL: <http://books.google.ru/books?id=LDU2yrUc1o8C&printsec=frontcover&dq=inauthor:%22Elisabeth+Leiss%22&cd=4#v=onepage&q=&f=false>
6. Араева Л. А. Словообразовательный тип. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 272 с.
7. Новицкая И. В. Проблема интерпретации однокоренных разносклоняемых существительных в готском языке. Томск: ТГПУ, 2005. Вестник ТГПУ. Вып. 4 (48). С. 27–32.
8. Сулейманова О. А. Некоторые семантические типы субстантивов и их актуализаторы *vesj/celýj* и *all/whole*: дис. ... канд. филол. наук. М., 1985. С. 27–38.
9. Leiss E. Covert patterns of definiteness / indefiniteness in Old Icelandic, Gothic and Old High German // Nominal Determination. Ed. by E. Stark, E. Leiss, W. Abraham. John Benjamins Publishing Company, 2007. P. 73–99.
10. Молошная Т. Н. Система артиклей в славянских и скандинавских языках. Сопоставительно-типологический аспект // Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неязыковым окружением. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 352–385.
11. Гухман М. М. Готский язык. М.: Иностр. лит-ра, 1958, 1998. 288 с.
12. Двухжилов А. В. Семантико-синтаксическая природа противопоставления «сильная/слабая форма» прилагательного в готском языке: дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1980. 205 с.
13. Огуречникова Н. Л. Сильные прилагательные в «Старшей Эдде»: морфологическая структура и категориальное значение // Вестник Московского университета. 2001. № 1. С. 55–78.

14. Супрун Е. А., Молдован А. М. Старославянский и церковнославянский язык // Языки мира: Славянские языки. М.: Academia, 2005. С. 29–69.
15. Маслова Н. П. Субстантивные словосочетания с приименным родительным падежом и приименной падежной группой в древневерхне-немецком языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 1975. 149 с.
16. Карпов В. И. Структура, семантика и функции сложных слов и словосочетаний в готском языке (сопоставительный аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 24 с.
17. Brugmann K. Grundriss der Vergleichenden Grammatik der Indogermanischen Sprachen. Strassburg, 1892. Bd. 2. 14. 1438 s.; 1906. Bd. 2. 15. 658s.
18. Brugmann K. Kurze vergleichende Grammatik der Indogermanischen Sprachen. Berlin und Leipzig, 1922. 774 s.
19. Иванов Вяч. Вс. Сравнительно-исторический анализ категории определенности-неопределенности в славянских, балтийских и древне-балканских языках в свете индоевропеистики и ностратики // Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках. М., Наука, 1979. С. 11–63.
20. Shields K. Comments about the Hittite suffix -ant- // Lingua Posnaniensis. Poznań: Wydawnictwo Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk, 2004. P. 83–88.
21. Uhlenbeck C. C. Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch der Gotischen Sprache. Amsterdam: Verlag von Joh. Müller, 1896. 174 s.
22. Feist S. Etymologisches Wörterbuch der Gotischen Sprache. Halle: Druck von Karras, Kröber und Nietschmann, 1920. 448 s.
23. Сизова И. А. Готский язык // Языки мира (германские языки, кельтские языки). М.: Academia, 2000. С. 101–127.
24. Лебедько М. Г. Словообразовательный анализ прилагательных с суффиксом -ein- в готском языке // Деривационные типы и гнезда в синхронии и диахронии. Владивосток: ДВО АН СССР, 1989. С. 168–174.
25. Braunmüller K. Determination in early Germanic dialects // Типология языка и теория грамматики: материалы межд. конф. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 39.

Новицкая И. В., кандидат филологических наук, доцент.

Томский государственный университет.

Пр. Ленина, 36, Томск, Томская область, Россия, 634050.

E-mail: novitsky@mail.tomsknet.ru

Материал поступил в редакцию 20.04.2010.

I. V. Novitskaya

THE OVERT PATTERNS OF EXPRESSING THE MEANING OF DEFINITENESS OF THE GOTHIC ABSTRACT NOUNS

The article presents an analysis of the overt means used to mark the meaning of definiteness of the gothic abstract nouns. There are two types of definiteness: individualizing and anaphoric ones. Each of them has its own means of expression. It also presents the gothic stem-building suffix -ein- as an original marker of the individualizing type of definiteness.

Key words: *gothic abstract nouns, definiteness, definite article, stem-building suffix.*

Tomsk State University.

Ul. Lenin, 36, Tomsk, Tomsk oblast, Russia, 634050.

E-mail: novitsky@mail.tomsknet.ru